

Н. К. Рерих. Небесный бой. 1912 год

Сказка о славянах

Андрей БЕЛИКОВ

ВОПРОС ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН запутан и, возможно, таит в себе еще немало неожиданных открытий. Об одном только можно говорить с уверенностью — на каком-то этапе своего развития они выделились из группы индоевропейских народов и в I тысячелетии до н. э. занимали обширные пространства на территории Центральной и Восточной Европы. Разнородность культурного, политического и природного окружения привела к тому, что с течением времени образовались три большие территориальные группы славянских племен — восточная, южная и западная. Восточные славяне, прямыми потомками которых мы являемся (русские, украинцы и белорусы), жили в бассейне Днепра, на берегах рек Западная Двина, Буг, Днестр, в верховьях Дона и Волги. Земли восточных славян имели протяженность от Черного моря на юге до Балтийского на севере. Именно через эту территорию пролегал легендарный путь «из варяг в греки».

Наши предки соприкасались со многими народами, и такие встречи не могли не оставить следа в их жизни. Кто только не хаживал по необъятным просторам Великой Русской равнины: киммерийцы, скифы, сарматы, готы, гунны, авары, хазары, печенеги и прочие, прочие, прочие... Одни из них «погибоша аки обре», другие оседали, смешивались с местным населением, что позволило некоторым историкам утверждать, что та славянская раса, которая составила этническую основу Киевской Руси, в течение долгого времени вываривалась в некоем «антропо-географическом котле», скрещаясь с разными племенами и вбирая в себя элементы различных культур. Но мы не будем в этой статье выяснять, какой процент скифской или варяжской крови течет в жилах русского человека. Наша задача — попытаться определить,

какую роль сыграло природное окружение в формировании характера славянина, как наши предки относились к окружающей среде и какая национальная «экологическая память» сохранилась в нас — их потомках.

В первую очередь надо отметить, что изначальные представления об окружающем мире сформировались у пранарода, от которого произошли индоевропейские племена (и славяне в том числе), в ту доисторическую эпоху, когда он вел свое незамысловатое существование на лоне матери-природы. Он боялся и любил природу, внимательно следил за ее знаменами, от которых зависели и которыми определялись его повседневные нужды. День и ночь, гром и молния — эти и другие природные явления находили свое поэтическое объяснение у человека, незнакомого еще с физическими законами. Борьба света и тьмы, тепла и холода, весеннее пробуждение жизни и зимнее ее замирание — вот что особенно поражало неискушенный ум нашего предка. И подобно другим народам он обоготворил небо, ибо с неба льются солнечные лучи, блистают луна и звезды, проливается плодотворящий дождь. Небо — всемогущий бог. Он может хмуриться черными тучами, сверкать молниями в гневе, и голос его подобен грому, а дыхание — ветру. Так родились славянские солярные божества: Сварог и дети его Сварожичи: Дажьдбог (бог дня), Стрибог (бог ветра), Велес (скотий бог).

«Такое отношение к природе, как к существу живому, несколько не зависело от произвола и прихоти ума. Всякое явление, созерцаемое в природе, делалось понятным и доступным человеку только через сближение со своими собственными ощущениями и действиями, и как эти последние были выражением его воли, то отсюда он, естественно, должен был заключить о бытии другой воли (подобной человеческой), кроющейся в силах природы», — писал известный русский историк и фольклорист А. Н. Афанасьев, автор классического сочинения «Поэтические воззрения славян на природу».

Позволю себе немного отвлечься и привести один из примеров личного общения с природной стихией. Дело происходило на небольшом необитаемом острове, где мы с друзьями проводили время в свое удовольствие. Питались мы в основном «дарами моря», которые, естественно, нужно было добывать самим. Наш приморский июнь не назовешь особо ласковым месяцем (морось, туман, прохладный ветер), поэтому каждое погружение под воду (о гидрокостюмах мы в то время могли только мечтать) совершалось с большой неохотой. В такой ситуации эффективность подводной охоты и удачливость охотника имели немаловажное значение. И вот в один прекрасный (туман, морось) день, я, нацепив ласты и маску, взяв в руки острогу, поймал себя на том, что я, «махровый материалист» и атеист, обращаюсь к морю с чем-то вроде просьбы-молитвы даровать мне удачу и пожертвовать несколько рыбок на уху. Позже, анализируя этот случай, я, как мне кажется, понял, какие взаимоотношения складывались у наших предков с окружающим их миром — это отношения соседей, живущих на одной лестничной площадке. Так можно сказать соседу: «Слышь, друг, помощь нужна, выручи, а?» То есть взаимоотношения в принципе равных субъектов, а не покорителей и покоренных. При таком подходе известная фраза о «милости» и «наших задачах» представляется равнозначной травле и выживанию соседа по коммунальной квартире с целью захватить его жилплощадь в свою собственность.

Основа религиозных представлений первобытных славян органически связана с их хозяйственной деятельностью (земледелие и скотоводство). Славянский народный календарь, весь круговорот славянских праздников являет собой отголосок старых языческих представлений, связанных с чествованием творческих сил природы, которые не исчезли из народной памяти с принятием христианства, а слились с ним и продолжают жить до настоящего времени.

Коляда и Купала, Ярило и Лада, Мокось и другие божества были олицетворением тех изменений в природе, которые определяли смену времен года и, соответственно, хозяйственной деятельности человека. Им придавалось человеческое обличье, их встречали и провожали, бог славянина был не духом, а материей, хотя и неосознаваемой, а потому и таинственной. Но он был близок и понятен человеку, как и природа, окружающая его.

Праздники праздниками, но все остальное время

года человек должен был трудиться: растить хлеб, пасти скот. Соотносить свою деятельность с ежегодными изменениями в природе славянину помогал его календарь. Названия месяцев древнеславянского календаря говорят о том, что наши предки обращали самое усиленное внимание на различные явления в природе и давали им меткие и живописные определения: январь — просинец (от глагола «сиять») — указание на увеличение продолжительности дня; лютый, ловзаец; февраль — бокогрей, снежен; март — протальник, свистун (пора ветров); апрель — березозол, цветень, заиграй-овражки (пора весенних потоков, «играющих» в оврагах); май — травень, росеник; июнь — изок (кузнечик), паутной (паут — слепень, овод); июль — липец, сенозарник, грозник; август — зорничник (от слова «зорить» — зреть), серпень, капустник; сентябрь — рюин (рев оленей), хмурень, жовтень (желтение листвы); октябрь — листопад, грязник; ноябрь — груден (груда — мерзлая земля на дороге); декабрь — студен. А когда православная церковь дала в руки русскому крестьянину святцы, то они стали его памятной книжкой, дневником наблюдений за природой. Причем святые мужи и жены, помогающие ему запомнить те или иные природные приметы, были ему запанибрата, он дал им бесцеремонные прозвища, как закадычным друзьям, и вместе с ними подшучивал над своими горестями и радостями.

18 января — день Афанасия и Кирилло, афанасьевские морозы дают себя знать: «Афанасий и Кирилло забирают за рыло». 24 января — день памяти преподобной Ксении, «Аксинья — полухлебница-полузимница». Примета: какова Аксинья, такова и весна. 1 апреля — день Марии Египетской: «Марья — пустые ши». 5 мая — день великомученицы Ирины: «Арина-рассадица» (время рассаживать капусту). А еще есть мартовская Дарья — загрязни проруби, апрельские Василий — выверни оглобли и Егорий — скотопас, майская Лукерья-комарница и т. д.

Надо отметить, что и перед существами божественного происхождения, своего родного язычества, славянин не очень-то рабелепствовал. Вспомнить хотя бы его взаимоотношения с Бабой-ягой или Змеем-Горынычем. С ними можно было и по душам поговорить, а коли уж начнут неприятности доставлять, то — уж не взыщите — получите по заслугам. Страшные хищники волк и медведь не особо пугали славянина. Мало того, иной раз Иван-дурак жалел их и их детушек (входил в положение), а они и рады были ему службу сослужить.

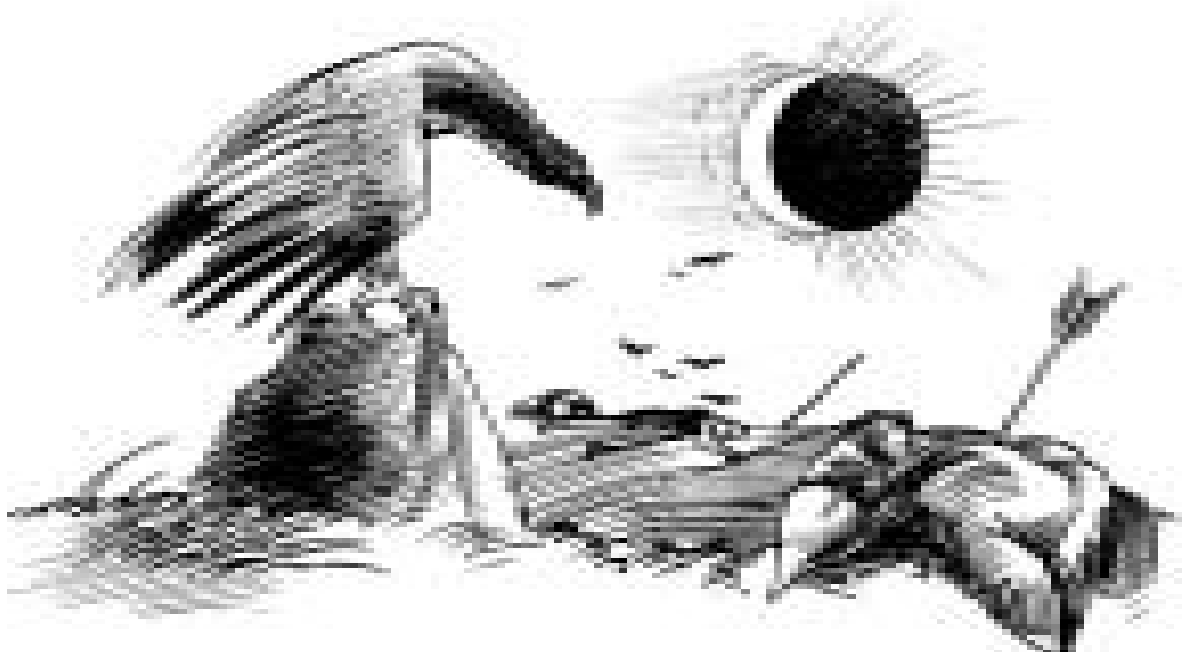
В общем, как к мифологическим, так и вполне реальным соседям относился русич по принципу: ты меня не трогаешь, ну и я тебя не трону. Даже на знаменах свисте не всегда он обращал внимание: вы, мол, так рассудили, а мое мнение вы спросили? Яркий пример тому — князь Игорь, герой непревзойденного произведения русской литературы «Слово о полку Игореве». Только собрался князь удалой в поход на половцев, как случилось страшное предзнаменование — солнечное затмение. Другой бы тотчас коней назад поворотил, а тот — «...вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь заграждало, ночь стонами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся...». «И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем пленным быть; так сядем, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание отвезти Дон Великий заслонило ему предзнаменование. «Хочу, сказал, копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шеломом испить из Дона».

Здесь уместно будет обратить внимание на ландшафт страны, которую история отвела для проживания нашим предкам. Нет сомнения, что природные особенности местности влияют, если не напрямую формируют, нравственный облик ее обитателей. Как уже говорилось, восточные славяне осели на Великой равнине, ныне носящей название Восточно-Европейской. Необозримый простор, множество рек, берущих свое начало на пологой возвышенности в ее сердце и разбегающиеся ко всем морям, широкие долины и увалы, на юге граничащие с бескрайней степью, а по мере продвижения на север все более и более укрывающиеся лесами, — вот вам картина русской страны. Чувство этого простора и составило основу русской «широкой природы», это оно влекло народ искать простор все дальше и дальше, да так, что появился русский человек в конце концов на берегах Тихого океана. Причем продвижение это происходило, по большому счету, мирно и не сопровождалось кровавыми войнами. В этом еще одна характерная особенность русского человека — терпимость к представителям другой расы, другой веры. Такое же отношение просматривается у русского и к природе: он не смотрит на нее, на ее представителей, как на врагов, даже если между ними и возникает «конфликт интересов». Медведя и волка мы уже поминали. А вот лиса — воровка кур, а ее ласково кличут лисичка-сестричка, да еще и по отчеству — Патрикеевна. Вообще все звери и птицы для славянина — добрые

соседи, многих он наделяет положительными человеческими качествами и, наоборот, человека сравнивает с тем или иным животным: Лебедь белая, Лебедушка, Сокол ясный, Соколик, Соловушка — так говорят человеку, когда хотят выразить ему свою ласку и приязнь. Это, конечно, все грациозные красивые животные, но нет у славянина безразличности и к животным менее симпатичным. Взять хотя бы лягушку: Иван-царевич ее за себя взял да жалел. Жалел не себя, а ее, причем не зная еще, что связала его судьба с царевной.

Но не будем так уж идеализировать отношения славянина с животным миром. Исполнок веков Россия жила за счет братьев наших меньших. И себя в меха одевала, и весь тогдашний цивилизованный мир пушиной снабжала. Трудно даже представить, какое количество соболей, куниц, бобров, белок и прочей «мягкой рухляди» было отловлено и умерщвлено. Однако стремление истребить просто так, для забавы убить животное все-таки у русского человека не в крови. Да и численность зверья в те времена была несопоставима с численностью населения.

Итак, Русская равнина. Три природные стихии определяли внешний облик Русской равнины, а также быт и характер человека, живущего здесь. Это степь, лес и река. Южные степи славялись своим плодородием и давали возможность для развития земледелия. Поэтому у русского человека и сложилось ярко выраженное благоговейное отношение к земле. С нежностью и трепетом брал он в руки кусок свежеспаханной земли — существа живого, одушевленного. Она была его кормилицей. Весной осемененное поле было сродни беременной женщине — его нельзя было бить и как-то иначе глумиться над ним. Вообще теме оплодотворения и зачатия новой жизни, нового урожая придавалось большое значение, что подтверждается широким распространением у древних славян фаллического культа. Но мало было вырастить урожай, его надо было еще и сохранить. Для этого у славян существовало божество, охраняющее колосистое поле, — Полевик. А когда этого было недостаточно, на защиту родной стороны вставали былинные богатыри. Причем силу им давала мать сыра земля. И не случайно, наверное, самым сильным и могучим русским богатырем называют богатыря-пахаря Микулу Селяниновича. Но все же беспокоеное соседство с хищными кочевниками, хозяйничавшими в степи, не позволило русскому славянству в те давние времена продвинуться далеко на юг. Оставляя степь степнякам, славяне обосновались в центре и на севере рав-

нины, областях лесных и недоступных ненавистным супостатам. Там, отвоевывая у лесов пространство под пашни, славянин занимался земледелием, но и лес не обходил стороной в своем традиционном природопользовании. Звероловство и бортничество были чрезвычайно популярными занятиями наших предков. Кроме того, в лес ходили по грибы и по ягоды, он давал дрова и строительный материал, обувал в «экологичную» обувь — лапти и подарил русскому человеку деревянные ложки и матрешек. Конечно, в лесу встречались и разные чудища вроде Лешего или Бабы-яги в избушке на курьих ножках, но, как мы уже отмечали, русский человек мог найти общий язык даже с не очень доброжелательными с ним существами, порожденными природой.

Были в Древней Руси и леса заповедные. Сейчас трудно сказать, что послужило причиной наложить «заповедь» на лесопользование в этих массивах. Но мы знаем, что народная мудрость, налагая табу на какой-либо вид природопользования, имела на это, как правило, вескую причину. Возможно, наши предки, вырубая для своих хозяйственных нужд леса, догадывались или знали о природоохранном их значении и хотели избежать экологического кризиса.

Интересное наблюдение: в густом лесу человек вырубает деревья вокруг своего жилища, чтобы появился простор, и насаждает их, если его дом расположен в степи.

Оказывал почтение славянин и отдельным деревьям. Как правило, это были старые, кряжистые, «мудрые» экземпляры. Дуб, например, был посвящен славянскому Зевсу — тучегонителю и громовержцу Перуну. Но было (и есть) в России дерево, которое, кажется, в любом возрасте любил россиянин. Белая береза — вот бесспорный фитосимвол России. Сколько любви и ласки, сколько теплых слов и душевных песен посвящал ей русский человек. Называл ее и сестрицей, и невестушкой. Между тем береза очень широко использовалась в хозяйстве. Дрова, лучина, банный веник, лист и почки в качестве лекарства, деготь, береста, сладкий сок — вот что давала «невестушка». То есть ее рубили, пилили, обдирали, ломали. Как же это сочетается с любовью и нежностью? Ответ, мне кажется, в той «философии» природопользования, которую исповедовали русские люди. Заключалась она в том, что в природе у человека нет врага, а есть, если и не друг, то сосед, если он не добрый, то бог ему судья. А что касается практического использования «природных объектов», то нет на земле народа, да что там народа — ни одного организма, который мог бы существовать, не используя для своей жизнедеятельности другие организмы. Таков закон Природы. А любовь к березам... как объяснить, почему возникает любовь? Одно можно сказать: любит ее русский человек не за ее практическую ценность. Если бы это было так, то любимым зверем россиянина был бы соболь.

Если степь и лес и доставляли славянину какие-то неприятности, то в отношении с рекой у него не возникало никаких недоразумений — только «слушайся» ее и не лезь в воду, не зная броду. Русский человек всегда селился у реки, на крутом берегу. Река была его дорогой зимой и летом, поила его нивы и угощала рыбой. Со своей рекой он жил душа в душу. Река была для него или батюшкой, или матушкой. Дунай же прозывался по отчеству — Ивановичем. И это несмотря на то, что сии водоемы были обиталищем своенравных водяных и прелестнейших, но коварных русалок. Весеннее половодье не считалось стихийным бедствием, наоборот, его связывали с пробуждением природы и началом нового акта жизни. Почитались на Руси и многие источники пресной воды, осквернение которых считалось тяжелейшим грехом. (Сейчас бы так...)

Так что же в итоге можно сказать об отношении, сложившихся у славян к природе? Терпимость, доброта, способность не только брать, но и давать — вот,

на мой взгляд, качества, характерные для русского человека. Причем русский готов делиться не только тогда, когда у него есть излишек или когда это «положено», но делать это совершенно бескорыстно, по доброте душевной.

Существует легенда появления хохломской росписи — русского народного промысла росписи деревянной утвари. Вырезал как-то мужик себе из дерева ложку, сварил пшена и ест. Кругом птички летают, он и их угощает; прилетела жар-птица, он и ее угостил; поела жар-птица, хвостом махнула — и разукрасилась ложка мужика прекрасной росписью. После этого и стали на Руси расписывать деревянную посуду, как жар-птица научила.

Или русские народные сказки — могут ли они сказать нам что-нибудь об «экологической культуре» наших предков? На мой взгляд, есть в них эпизод, который является «экологическим постулатом» не только национального, но и мирового значения: «...В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошел дальше».

Как мы знаем, медведь действительно помог Ивану-царевичу, и тот жил со своей Василисой долго и счастливо.

Не настало ли время вспомнить «дела давно ушедших дней, преданье старины глубокой»? Разве вы не слышите, как сегодня леса, поля и реки зывают к нам: «Не бей меня, человек, когда-нибудь тебе пригожусь».

Сказка ложь, да в ней намек...